

’Исм – понятие исламской религиозно-доктринальной и этической мысли, обозначающее *грех* и близкое понятиям “хатй’а” (ошибочный поступок), “визр” (*ответственность*) и “занб” (*вина*), а в некоторых контекстах и тождественное им; противоположностью ’И. является – *ихсāн* (“доброделание”). Понятие ’И. тесно связано с понятием “ма’сийа” (“ослушание” в противоположность *tā’a*-послушанию). В целом ослушание греховно, тогда как всякое “послушание” составляет добродетель. Вместе с тем понятие “’И.” не совпадает с понятием “дурной поступок” (*қабйх*): грехом не является совершение nereкомендованных (макрӯх) действий.

Хотя этические рассуждения проникнуты мотивами поощрения *добра* (таййиб), в целом понятия греха и вины осмысляются в арабо-исламской этической мысли не как причастность злу, но как нарушение должного. Скажем, помимо обязательной (*вāджиб*) милостыни, именуемой за *kāt*, в исламе существует понятие добровольной милостыни (*садақат ат-татавву’*). Ал-Газālī в “Воскрешении наук о вере” ставит вопрос: какую милостыню предпочтительнее принимать? Принимая добровольную милостыню, человек не создает конкуренцию беднякам, для поддержания существования которых установлена обязательная милостыня, а значит, поступает правильно. Но если окажется, что все бедняки приняли только добровольную милостыню, воздержавшись от обязательной, то обязательная милостыня окажется неотданной. Тем самым бедняки совершат грех (’И.). Не приняв милостыню, бедняки согрешат не потому, что не дадут состоятельным людям проявить милосердие и так причаститься добру, но оттого, что “обязательное” установление Бога не будет соблюдено. Тем самым нарушенным окажется “обязательное право” Бога (*ал-хаққ ал-вāджиб ли-ллāх*) обеспечивать пропитание Его рабам.

Другой иллюстрацией может служить вопрос “о покосившейся стене”. Здесь понимание вины как нарушения обязательного дополняется принципом определения ответственности как непосредственного результата действия. Пусть владелец покосившейся стены продал ее, а вскоре после этого она рухнула и под ее обломками погиб человек. Ответственность за это не будет нести ни прежний владелец, ни нынешний. Первый не виноват потому, что продал стену до того, как она своим разрушением привела к чьей-то гибели, а второй потому, что купил ее уже в аварийном состоянии, а значит, не его действие привело к гибели человека. Кроме того, ни тот ни другой владелец стены не имели намерения нанести кому-либо ущерб. Только действие того, кто погиб под рухнувшей стеной, оказывается неправильным и классифицируется как “запрещенное”. Так единственным, чье действие непосредственно связано с последствием (гибель под обломками стены), остается сам потерпевший, и именно его вина и устанавливается для данного случая: парадоксальным образом он остается как будто без вины виноватым. На самом деле вина потерпевшего очевидна: она состоит в нарушении обязательного действия, связанного с избеганием вреда (см. *Манфа’а*). Понятие “виновность” включает в себя не только реально совершенное действие, но и намерение, что,

впрочем, является только естественным следствием подхода к пониманию предмета этики как "действия-и-намерения".

Поскольку вероучение ислама не содержит понятия первородного греха, оно и не включает всего комплекса связанных с ним идей. Здесь отсутствует понимание человеческой природы как принципиально греховной, а потому предполагающей необходимость искупления, в том числе, если не преимущественно, страданием и преодолением собственной природы. Понятие "страдание" имеет в исламской культуре преимущественно отрицательные коннотации как связанное с "вредом". "Страдание" (муқасāt), "терзание" (шақāва) – это адское наказание грешникам, противопоставляемое "счастью" (са'āда), которое безусловно связано с "усладой" (лузза). Застенчивость (хайā) и даже униженность (зулл) являются состояниями души (см. Хāл) и не предполагают как таковые необходимости ни телесного, ни духовного страдания. Хотя в суннитской этике признан закрепленный в многочисленных хадисах тезис о том, что за всякий выпавший на долю мусульманина вред (дарар) Бог списывает с его счета какой-либо грех, даже если такой вред представлен царапиной от колючки, речь не идет о необходимых для очищения страданиях. В шиизме страдания скорее признаются чем-то позитивным, а верующего призывают превратить их в крепость, чтобы укрыться в ней от врагов, но это связано с историко-политическими особенностями шиизма, а не с признанием человеческой природы греховной и нуждающейся в искуплении страданием.

Наказание в загробной жизни налагается только за реально совершенные человеком грехи, если человек не покаялся в них в земной жизни. Покаяние (тавба) не является просто движением души: оно включает в качестве обязательных компонентов намерение устранить грех и некое действие, его устраняющее. Структура действие–намерение и в данном случае играет свою основополагающую роль. Если бы покаяние ограничивалось раскаянием, оно включало бы только намерение, которое, будучи неосуществленным в реальном действии, и не становилось бы на самом деле намерением: такому покаянию не хватало бы действия, чтобы в самом деле быть покаянием. Действие, устраняющее грех, должно быть равноценным совершенному греху. Если человек не устраняет свой грех покаянием, он будет наказан в загробной жизни, если не успеет понести наказания в земной. Правило непосредственной связанности действия и его следствия имеет силу и в данном случае: исламская этика рассматривает последствия греха прежде всего в земной жизни, и лишь после этого – в загробной. Поскольку грех является нарушением обязательного (вāджиб), а обязательное установлено ради пользы людей и устранения вреда, вполне естественно, что грех несет пагубные для жизни человека последствия. Благодетель (такван) приносит благополучие в земной жизни, а совершение грехов ведет к умалению средств жизнеобеспечения. Под этим понимается вполне осязаемое уменьшение земного, материального благополучия. Поскольку духовное и телесное не разделяются как противоположности и одно не противопоставляется другому как препятствие, уменьшение материального благополучия сопровождается и нематериальными бедствиями, прежде всего уменьшением знания. Все это вполне согласуется с представлением о том, что одним из главных последствий греха является потеря

человеком повиновения (*тā'a*) Богу, так что божественное наказание становится оправданным. Потеря знания и прочие, в том числе и материальные, невзгоды — это вред, претерпевание которого составляет следствие неповиновения тому религиозно-правовому и этическому порядку, который установлен Богом ради благополучия мусульманской общины.

Грехи, которые не были устранены покаянием и за которые человек не был наказан в земной жизни, будут приняты во внимание Богом при определении загробной участи человека на Страшном суде. Единственным грехом, безусловно ввергающим человека в пламень, является многобожие (*ширк*), относительно остальных в теории существуют расхождения. Если баланс добрых и злых дел оказывается в пользу человека (добрых дел больше), человек попадает в рай, если он равен, Бог решает участь человека по своему усмотрению, если же злых дел больше, Бог все еще волен простить человека, и он только может (а вовсе не обязан) наказать его, причем именно такое наказание и квалифицируется как справедливость (*'адāла*): справедливость как бы оправдывает это суровое действие Бога. Кроме того, положение о “заступничестве” (*шафā'a*) Мухаммеда (Мухаммед будет на страшном Суде заступаться за мусульман перед Богом), характерное для суннизма, сводит на нет представление о строгости и неизбежности наказания: благодаря этому заступничеству направленные Богом в ад грешники перейдут в рай. Более того, даже для попавших в геенну и терпящих там адскую муку наказание не оказывается вечным: в конечном счете все люди перемещаются в рай. Правда, в данном вопросе оставались определенные расхождения, и иногда терпеть вечную муку в аду оставались те, кто не разделял самое главное, с точки зрения ислама, положение — о единственности Бога. Такие люди именуются “неверующими” (*кāфир*, мн.ч. *куффār*), причем это понятие включает, как правило, идолопоклонников, безбожников и многобожников, исключая иудеев и христиан, которых называют “людьми Писания” (*'ахл ал-китāб*). Шиизм более охотно признает вечность адских мук, а правом заступничества наделяется здесь Али и (иногда) благочестивые шииты.

Грехи разделяются на “великие” (*кабā'ир*, ед.ч. *кабīра*) и “малые” (*сағā'ир*, ед.ч. *сағīра*). Наиболее тяжким грехом, безусловно выделяющимся из общей массы, является многобожие, которое единственное может быть сопоставлено с понятием “смертный” грех в христианстве. Его разновидностью можно считать вероотступничество (*ридда*), за которое положена смертная казнь, если согрешивший не покается в течение текущего дня. Религиозно-правовая суннитская мысль связывает, как правило, понятие “великого” греха либо с “пресечением” (*ҳадд*), либо с “угрозой” (*ва'йд*): “великим” грехом является тот, который пресекается наказанием (побиение камнями или плетью за прелюбодеяние, отсечение конечности за воровство выше установленного минимума, умерщвление за вероотступничество, т.д.) и за совершение которого, как правило, Коран или сунна угрожают загробным наказанием; правда, могут быть поступки, попадающие во вторую категорию, но не являющиеся, в западном смысле слова, юридическими преступлениями и потому не пресекаемые наказанием, а оказывающиеся фактически нравственными преступлениями. Единый перечень таких великих грехов не установлен и в шиизме. Согласно

одному из хадисов (*ал-Бухари. Ас-Сахих, китаб ал-йман, № 17*), загробное наказание угрожает нарушившему единобожие, совершившему воровство, прелюбодеяние, убийство своих детей, клеветнику и тому, кто не слушается призыва совершать добрые дела (*ма'руф*). Этот список соединяет религиозное преступление (нарушение единобожия), преступления в юридическом смысле слова, считавшиеся таковыми на протяжении всей исламской истории (прелюбодеяние, воровство), запрет, направленный на пресечение практики доисламских арабов, фактически исчезнувшей в эру ислама (убийство новорожденных, особенно девочек, практиковавшееся бедуинами в силу особенно тяжелых условий жизни), запрет, вызванный перепетиями личной жизни Мухаммеда (обвинения в адрес одной из его жен, отвергнутые им как клеветнические), и этический императив "не отказывайся от призыва делать добрые дела". Другие хадисы содержат угрозу загробного наказания за другие поступки, скажем, за убийство мусульманина, а то и просто нанесение ему телесных повреждений или любую вражду с мусульманами, хотя далеко не все мусульманские теоретики считают такие преступления вызывающими загробное наказание. Что касается "малых" грехов, то к ним относятся все прочие нарушения запретов и невыполнения приказаний. "Малые" грехи считаются, как правило, не влекущими наказания.

В этике понятия великого и малого греха остаются расплывчатыми. В мутазилизме шла полемика об их определении, связанная с общей тенденцией ригоризации этики (см. *Калам*).

Литература:

Wensinck, A.J. The Muslim Creed. 2nd ed. L., Frank&Cass Co., 1965. См. также лит-ру к статье *Мусульманская этика*.